

В понедельник, второго ноября, историчка Ксанна пришла в новом костюме. Серая в полоску юбка и пиджак. Пока она шла от метро, то и дело улыбалась. С обновкой связаны были у нее кое-какие приятные выдумки. В школьном вестибюле Ксанна распахнула пальто, оглядела себя. Костюм ей идет, никаких сомнений. Жаль, что нельзя в сапожках. Она и туфли на неделе купит, замшевые, с ремешком. И выйдет красота. «Красота», — повторила Ксанна шепотом.

В учительской за столами оттенка ряженки прихорашивались уже литша Йуда (букву «эл» любила она повалить во рту, как карамель), «младшка» Тамочка (узкие височки, желтоватые круглые щеки, глуповата, но замужем!) и физичка, приближенная директрисы, Роберта Юрьевна по прозвищу Робик. Все трое долго разглядывали Ксанну.

— А плечики подкладные или вшитые? — выскочило наконец у Тамочки.

— Вшитые.

Ксанна с удовольствием повернулась, развела руками. «Как на подиуме», — подумала она.

Робик сладко улыбалась и думала: «Куда такой долговязой задом-то вертеть!» Робик, дама мясистая, обширная, давно за пятьдесят, считала, что только она умеет одеваться.

Да разве дело в тряпках! У каждого должно быть место, отведенное ею, Робиком (ну, и директрисой, ладно уж). «Тоже мне, модель. Верста верстой, а руками машет». Вот она, Робик, притащилась три дня назад в новой юбке, так никто не заметил. Кроме, конечно, подлизы Зориной из седьмого «А». Но та не в счет, соплюха еще.

Робик с гаснущей улыбкой на длинном лице поднялась, прошелестела к лаковой двери с надписью «Директор». Ксанна закончила показ, пошла за лейкой. Как самой высокой, ей поручено было опекать блеклую герань, которая маялась в кашпо на стене.

— Разоделась как... — Лобик Тамочки собрался складками, так хотелось ей припечатать Ксанну.

— Стюардесса, — подсказала Йуда рассеянно. Ей нравились свары без повода.

— Стюардесса, да без пилота!

Тамочка фыркнула, у Ксанны дрогнула рука, из кашпо полилось на пол. Конечно, Тамочке легко говорить, у нее есть муж-инженер. Для учительок здешних редкость. Йуда поморщилась и отвернулась. И она, и пухлая Робик — разведенки. А долговязая Ксанна и замужем-то никогда не была.

Как говорит Светлаша, «пропорция юбок к штанам не в нашу, девочки, пользу». Физрук, трудовик да

математик, вот и все здешние штаны. Правда, обеща- ли биолога, но это когда еще будет.

Робик скрипнула директорской дверью, просе- менила на место. Из кабинета выглянула Светлаша, качнула высокой прической. («Такие в моду вошли, когда Гагарина запускали», — высказывалась как-то на эту тему англичанка Марита Евсеевна, Ритуля.)

Оглядев Ксанну, она протарабанила по притолоке нечто нервное, огладила гладкие бока и сказала:

— Зайди-ка!

Ксанна вздохнула, поставила лейку на место и на- правилась к Светлаше. Спина ее привычно провисла, про подиум уже не вспоминалось.

Когда Ксанна притворила дверь, Светлаша уселась в кресло, уперлась носками в ковер и развела руками.

— Вчера за ней снова заезжал этот... в кожанке. Рожа узкая, еще косичка какая-то. Попадем мы с то- бой в историю, вот увидишь.

Ксанна удивилась.

— Кто приезжал, к кому?

— К Милке, к Милке. — Светлаша покрутила голо- вой и приоткрыла ровно выкрашенный кармином рот.

Ксанна вдруг вспомнила, что Светлашиному мужу дали весной генерала, поэтому поводу она устроила даже «беэмц для своих». Муж у Светлаши высокий, худой, интересный. Как умудрилась эта сдобная тол- стушка такого отхватить, да еще после развода со сво- им первым, да еще имея непутевого долговязого сына, уму непостижимо. «Загребущая, — определяла Свет- лашу Ритуля, — за шкурку и в корзину».

Сюда, в 606-ю, Ксанна пришла после института. Она и практику тут проходила. Светлаша была тогда размякшая, опекала ее, у нее как раз шли бракораз- водные бои. И Ксанна как пришла, так и протрубила пять лет историчкой с восьмого по выпускной.

Новейшая история — предмет «жареный». Навер- ху то и дело меняли ориентиры, но мысли-то в голо- вах сами по себе. Ну, с этим кое-как она справлялась. Плохо было то, что мама Ксанной, Лариса Ивановна, жить не могла без «поисков». Маме непременно хоте- лось выдать ее замуж. Ксанна считала эту тему делом интимным, но Лариса Ивановна была другого мнe- ния. «Это что же, твоя шестьсот шестая вместо мужа? За тридцать уже, а ума нет. Да сколько не сиди там, никто и не вспомнит, стоит им за ворота с аттестатами вылететь. Останешься ты одна. У всех как у людей, а у нас... Нет здесь видов, уходи. Не сошелся свет клином на этой школе. Маришка договорится, если я попро- шу...» Честно сказать, мама права. Но только себе- решься уходить, тут как раз и сентябрь. И появляется «ее новенький».

С некоторых пор выходило так, что в выпускном ее классе оказывался новичок из другой школы, дру- гого города, а возможно, с другой планеты... Возникал

в свете безразличных классовых плафонов. Тогда для Ксанной и наступало особое время года. Она всегда старалась поддерживать у своих подопечных опре- деленный уровень. Но совсем другое дело, если было для кого... Новенького следовало поразить, опроки- нуть и победить сразу, за неделю.

Ксанна устраивала вечерние факультативы, ко- гда столешницу грел проектор. Ничто не слишком, она выбила у Светлаши новый комп. Лекции Ксан- ны сопровождали показы музейных полотен, доку- менталка и обрывки киноэпопей. Новенький то и дело оказывался дежурным. Он вывешивал карты и экран, раскладывал провода под строгим взгля- дом Ксанной. Она попеременно представляла себя дикторшей, актрисой и Изабеллой Испанской, о которой в новейшей истории ничего, впрочем, не говорится.

В такие времена в гардеробе Ксанной происходили важные изменения. Теперь, открывая большое от- деление платяного шкафа, она вспоминала, как зва- ли мальчика, который «вызвал» именно этот плащ, юбку или свитер. Миша Королев, Андрей, Дима, еще один Миша, Гребнев... На этот раз новенького звали Сережа. Именно поэтому осенний кремовый костюм сменил сегодня новый, пепельно-серый, с юбкой по- короче.

— ...Да видела я мамашу, видела. Милка как хочет ей, так и крутит. — Светлаша поморщилась и взгля- нула в окно.

606-я располагается на Шаболовке, в гуще мед- ленной переулочной жизни. Шуховская башня, опоя- санная по вечерам синими огнями, возносится в небо чуть левее. Дальше, к Серпуховке, попахивает преста- релой парфюмерной фабрикой.

Конечно, зимой место глухое, но в синих метель- ных вечерах чудятся Ксанне яркие незванные глаза и сказанное шепотом «если...» Иногда, под настроение сочиняла она стихи. Так, кое-что, для себя... И для него. Для новенького? В общем, район как район, похож на собачонку. Бывают такие, с красивыми глазами, кривыми короткими ножками и пушистым хвостом. Все здесь простое, понятное. Стена так стена, окно так окно.

Не считая, разумеется, знаменитой башни. Ее Баш- ни. Она то и дело попадалась Ксанне на глаза. Иногда, на обратном неспешном пути домой, Ксанна и Башня беседовали. Башня советовала ей не расстраиваться. На всей Шаболовке мало таких, как они с Ксанной, высоких и элегантных.

Из метро Башни видно не было, там Ксанну то и дело просили подвинуться. Из-за роста пассажирам казалось, что она занимает слишком много места. Иногда Ксанна огрызалась, недомерки, мол. Рос- лых мужчин, честно сказать, попадалось ей немного.

И, как назло, за рукав их держали щуплые девчонки, похожие на Тамочку.

Милка Зайцева, в самом деле, стоила ей немало нервов. В каждом классе, как убедилась Ксанна, непременно есть своя Зубрилка (Тихоня или Пробивная), Свисток (Сальный), Глазки (Губки), Косы (Не пойду), Вечная подруга, Шуток и База. Чем ребята старше, тем типы эти ярче.

Вот Милка, например, настоящие Губки. Причем в самом опасном варианте, Губки безразличные или Все готово. Рядом со своей одноклассницей Женей Левиной (безответная Тихоня. Очки, челка, хвостик, бежевый свитер. Любимая книга «Унесенные ветром»), рядом с этой Женей Милка Зайцева казалась мамашкой. Когда Милка поворачивалась к соседке, груди ее выпирали из кофточки так, что Дима Зяблин (Шуток) краснел и отводил глаза, а Мишка Мыльников (Свисток) пригибался и пялился, облизывая бескровные губы. Что касается новенького, «ее новенького», Сережки, то он имел одну только обязанность — не сводить глаз с самой Ксанны.

Милка, впрочем, являлась к тому же типом редким, а именно Губки-Загадка, судя по ее раздумчивым ответам на уроках самой Ксанны и неплохим отзывам Ритули. Впрочем, в уме Светлаша отказывала Милке категорически. И тому, разумеется, были свои причины.

— ...Знаешь, какое у нее прозвище, знаешь? Дай-На! Как бы ее до весны-то дотянуть? Еще выскочит с историей.

Ксанна о прозвище, конечно, знала, но была уверена, что Загадка перевесит Губки. Хотя и выходила некоторая опасность от Все готово.

— Я с ней поговорю еще раз.

— Поговори, поговори! И обязательно про юбку скажи. Девчонка не может ходить в такой... Нет, вот в такой...

Ладонь Светлаши проехала поперек мощной ляжки.

— Ну, мне, что ли, думаешь, форма эта нравится. — Светлаша дернула ткань строгой своей блузки. — И ничего, хожу. Ритуля разоделась, не поймешь, на французский она собралась, в седьмой класс, или в Сочи с хахалем.

Светлаша озабоченно провела по отвисающим бокам и спросила:

— Танюш, не проморгай девку, очень тебя прошу... И сама коленками светишь! Доведете вы меня, девчонки, до инфаркта.

В лаковой сумочкебрякнуло, и Синатра затянул про странников в ночи. Светлаша махнула Ксанне ладонью, иди, мол. Лицо ее изменилось, как только она взглянула на номер. Как видно, звонили сверху. Ксан-

на развернулась и вышла из кабинета. Не за горами уже выпускная пора, дележка аттестатов и медалей. Светлашкин урожай. Нет, ей своего Сережку никак на медаль не вытянуть. Надо будет с матерью его и с Робкой поговорить. Ксанна развернулась и задела шкаф. В нем звякнули школьные призы.

«Ну, поскакала, нескладеха... Действительно, Антилопа», — подумала мельком Светлаша, поглаживая щеку.

В учительской цокали каблуки и пахло сладкими духами. Тамочка тыкала смешной рыжей девчонке журналом в плечо, выговаривала за что-то, та вяло качала жиденькими косичками. Ритуля обтягивала кофточку, поворачиваясь перед зеркалом.

Тамочка была в курсе всех школьных сплетен.

— Притащит она Светлаше в подоле, — сужала глазки Тамочка, рассказывая очередную версию кому-то в коридоре, — запросто. Вон в семере, на Сухаревке, был случай в прошлом году. Такая же вот девка...

Тамочка надула щеки, прикрыла глаза и развела руки на уровне бедер, показывая Милкины габариты. Тамочка, конечно, дурковата, хотя малышня ее любит. Но куда ей понять старших. Ксанна и сама иногда не может разобраться. А уж, казалось бы...

2

Из-за угла выскочили мальчишки, один верхом на другом. Только вывалили, а навстречу историчка.

— Куда скачем?

Оба уставились в пол. Один покрепче, позлее, глаза темные. «Свисток? Сразу не поймешь, надо будет у Тамочки спросить, ее ведь гвардия». И ехал он на другом, рыженьком, с тонкими плечами.

— А ты, Дорофеев, не первый раз попадаешься! Пойдете сейчас к Тамаре Алексеевне и скажете...

Худенький поднял голову, Ксанне стало его жаль. И почему на таких всегда ездят? Она покачала головой. И подумала, что у нее самой мог быть такой вот маленький Дорофеев. «В подоле принесет...»

В коридоре раздался визг, кого-то шмякнули рюкзаком. Румяная толстуха сосредоточенно вытаскивала очищенное яблоко из фольги. До звонка оставалось четыре минуты.

Милка сидела смиренно. Как не хитри, милая, на Тихоню ты не тянешь. Сегодня Милка надела нечто лиловое, длинное. К подоле претензий нет. Подол соответствует. Ну а вырез зачем такой? Милка, как видно, куда-то собиралась сегодня. С приятелем, про которого Светлаша говорила.

Милка взглянула на Ксанну. Вырез? А что? Разве некрасиво? Так о чем разговор?

В классе к Милке прислушивались. Одно ее «да брось ты» много значило. И враньем было это «дай», а тем более «на». Любой схлопотал бы только за намек по шее. Но Ксанне казалось, что-то пропало из больших Милкиных глаз. Вот недавно, прошлой весной, еще переливалось там. А теперь потерялось. Ну, про такие тонкости не станешь Светлаше рассказывать, не поймет она.

— Галина Ксанна, а Миляев стол сломал...

Рамила фыркнула и оглянулась. Толстяк Миляев ей нравился. У татарочки Рамили личико круглое, нежное, с яблочным отливом. И как ей только не жарко целый день в плотном своем платке. Традиция? Бабка заставляет, а матери, например, все равно.

— Ну раз сломал, мы его попросим к доске. Расскажи, Толя, как готовился Гитлер к войне? Или никак он не готовился, а?

«Новенький» Сережа сидел наискосок он учительского стола. Казалось бы, какая разница, кто где сидит. Только все запуталось именно поэтому. Запуталось или прояснилось? Не разберешь.

Стол Ксанны находился в правом углу класса, у окна (ей видна стена заводика, сизый ангар, автобус на ремонте, потом несколько лип и старый домишко. Приятельница ее, Башня, была тут как тут, заглядывает в самое окно. Слушала ли она их разговоры, понять трудно, может, дремала под ветром, что ж такого), Милка в среднем ряду, в самом центре комнаты, а Сережа в первом от двери ряду, левее Милки. Такая вот шахматная диспозиция.

Ксанна, конечно, королева, а Сережка офицер. А Милка? Ну, для Милки не было на доске подходящей фигуры, Ксанна с удовольствием записала бы ее в пешки. Но Милка никак для этого не подходила. Но королевой, пускай и опасной, темной масти, Ксанна ни за что не хотела ее признавать. Много чести.

Расположение было таково, что Ксанна и Сережа часто встречались взглядами, причем нередко Ксанна отмечала у Сережи некий интерес. О том, что диагональ, на которой они оказались втроем с Милкой, штука сложная, Ксанне в голову не приходило. На кого же еще мог смотреть Сереже, только на нее, на Ксанну. Милка может сколько угодно поворачиваться, провожать его глазами. Сереже до нее дела нет.

Раздумывая примерно так, Ксанна расспрашивала Миляева о планах Гитлера в конце тридцатых.

— И они... и он... собирался напасть на... Сначала занял... а потом случилась провокация на границе... После этого...

Поплыл друг, а вопрос-то ерундовый.

— Ну что же, Миляев, твоя позиция заставляет вспомнить болгарского царя. Он рассматривал европейскую политику сходным образом. «Собирался, потом раздумал...» Кто и куда собирался, очень ту-

манно. Ну-ка, Мила, помоги Миляеву! Можешь с места. (Сейчас встанет, парни на нее выльются, пойдут базар.) А Миляев попробует найти на карте страны, которые были захвачены гитлеровской Германией к июню тридцать девятого... К июню, Миляев, к июню, не позже!

Милка повернулась, провела взглядом по классу. Ксанна отметила, как подняли головы мальчишки, поправила прядь волос и начала довольно бойко. Сережка смотрел в окно, но когда фамилия Гитлер была повторена в третий раз, причем все с большей неприязнью, он уставился на Ксанну и сказал:

— Между прочим, Гитлер имел два Железных креста за храбрость. Еще за Первую мировую. А то Гитлер, Гитлер... Он ведь художником мог стать, тогда бы...

Ксанна кивала на речи Сережи. Пускай, пускай. Ей самой такие мысли не раз приходили в голову.

Но Сережа запустил про Гитлера не просто так. Что-то в Милке его, как видно, задело.

Теперь курс новейшей истории начинает двадцатый век успехами науки и искусства. Оттуда убрали идеологию (пролетариат, капиталисты, революция мировая), сгладили акценты. Решили, наверное, не обострять. Поэтому в какой оттенок выкрасить того или иного персонажа из предвоенного десятилетия, сообразить не так-то просто.

— Гитлер? Че это Гитлер? Ты откуда это взял? — влез в разговор Мыльников.

— Сергей прав. Гитлер действительно получил эти награды, когда был простым ефрейтором... И рисованием тоже занимался... Была у него такая мечта. Что же ты думаешь, он с детства в людоеды готовился?

— Ну, Гитлер же того... Двинутый был... — продолжил свои рассуждения Мыльников.

И этот вылез не просто так. Сережу, как всякого новенького, следовало выловить на какой-то острой фразе и показать перед всем классом, кто тут хозяин. Но тут Мыльников оказался на чужом поле. Это тебе не во дворе. И Мыльникову, пожалуй, достанется.

— Двинутый. Очень интересно. Психически больной, так тебя следует понимать?

Мыльников кивнул. Он посмотрел на Милку, потом на Сережу. Что-то там у этих троих странное. Пол-урока спал, а теперь ввязался.

— Гитлер участвовал во многих знаменитых сражениях Первой мировой. Несколько раз был контужен, ранен, отравлен газами... Зря улыбаешься, Мыльников, это достаточно страшное зрелище, газовая атака... На некоторое время ослеп. При другой концентрации глаза могли запросто вытечь. Как тебе такое? Ну, теперь вопрос ко всем. Когда и кем были впервые применены боевые отравляющие вещества? Так, так, правильно. Так что же Гитлер? В конце восемнадцатого

года это был проверенный служака, ефрейтор, с наградами. Политикой не занимался. Во время событий в Мюнхене, событий достаточно кровавых, сидел себе тихо в казарме, на улице не показывался. И, по-моему, ввиду некоторого успеха довоенных занятий живописью вполне мог их продолжить. Насколько мне известно, в те времена его психическое состояние было вполне нормальным... Как ты думаешь, Мыльников, если бы Гитлер попробовал повторно поступать в Венскую академию художеств и был бы принят, как могли бы развиваться события далее?

— Ну, войны б не было.

— Какой именно войны? Гражданской в Испании, с Польшей, с Францией, Великой Отечественной, Второй мировой в целом?

— Никакой... Тогда... тогда... штурмовики бы сами...

— Штурмовые отряды организованы были позднее. В каком году, Миляев? Нет... Катя! Так, правильно. В августе двадцать первого... А мы говорим о другом периоде. Ну, так как, Мыльников? Затрудняешься? Кто поможет?

Сережа рассудительно наклонил голову и начал. Ксанне не нравился его пиджак. Сунув парню старье, родители, возможно, стремились снизить интерес со стороны девчонок. С другой стороны, если одеть его нормально, Сережа казался бы старше. При его росте они прекрасно смотрелись бы вместе. Вместе...

— После капповского путча в марте девятнадцатого, — рассуждал Сережа.

И его слушали. Разумеется, девочки, думали при этом про свое. Надо же, не ботаник, симпатичный и умный. А Милка вот не глядит, вид делает, что задумалась.

— ...Летом того же года был заключен Версальский мир, который тайные офицерские общества в Германии восприняли как измену.

Сережа, конечно, молодец, спора нет. Только что ему общества эти офицерские? О чем он сам-то мечтает? Кто ему нравится? Ведь кто-нибудь да нравится? Нет, не Милка, не Милка, что в ней особенного? Но что-то явно было, ничего тут не поделаешь.

К сожалению, все эти новогодние рокировки выходили не в ее, Ксаннину, пользу.

— К осени двадцать третьего нацисты считали себя способными взять власть. Но во время столкновения с полицией...

И пошел, и пошел. Хорошо начала, а теперь выходит занудно. А как на самом деле было? Надо бы поживее. А тот вон Рамиля заскучала.

— Спасибо. Наконец-то мы прояснили ситуацию. Теперь вопрос. Представим на минутку, что в конце двадцатых Адольф Гитлер построил бы свою жизнь по-другому, так никогда и не став фюрером. Что могло случиться в Европе через десять лет, самое главное, почему случилось бы, на ваш взгляд, именно это? Какие силы выдвинули Рема и Штрассера? Ведь Германия с Гитлером или без него, но стремилась к реваншу за поражения в Первой мировой, так ведь? Гинден-

бург и его окружение, бундестаг, наконец. История состоит из множества дел, личностей, их потенциалов, случайностей, наконец...

Мыльников заслушался, забыв о Милке. Катя Розова по прозвищу Разова слушала тоже.

Разовой прозвали ее за убеждение, что влюбляться, мол, следует «раз и навсегда»... Ах, если бы эти убеждения сопровождали хозяйку еще лет пять после школы. Всякое бывает, не угадаешь. Катя-то «раз и навсегда», а избранник, бах, взял и поменял мнение. Что тогда делать? Бабушка Рамили драпирует внучку в платки. Так, может, правильно делает? Ошибиться всегда успеет. С другой стороны, пример Милки. Девчонки-то ей завидуют. Да только Милка умная, вывернется, а остальные как?

Слушал Миляев, Милка, слушала Рамиля. Антилопа-Ксанна легко тянула класс в нужном направлении. И смотрел на нее Сережа, смотрел, как полагается, не отрываясь.

Лучшим в одиннадцатых было вот это, предновогоднее время. Дальше, к весне, свяжет всех тревога. Экзамены, аттестаты, заявления, провалы, липовые конкурсы и прочие страхи. Но каждый ноябрь расцветала атмосфера влюбленности. Какой-нибудь серенький и кроткий намертво влюблялся в первую красавицу. Толстушка и поэтесса (База) в безразличного парня (Свистка). Низенький (Тихоня) лепился к недоступной «березке» (Губки), а «карандаш» (Носочек) к Дюймовочке (Пускай).

И пропадали у них напускная грубость, безразличие и прочие выкрутасы. И смотрели ребята на «свою», единственную, как смотрели и десять, и двадцать лет назад. Несмотря на эфир, заполненный африканцами без штанов, тискающих дебелих теток, мальчишки нынешние, как и мальчишки шестидесятых, писали девочкам записки: «Пойдем в кино, только вдвоем».

Уж ей ли, Ксанне, не знать. Но куда больше, чем за Милку или Татьянку, опасалась она за Розову, за Рамилю. Пугало Ксанну это прочное «навсегда» пухлой Кати Розовой. И с Рамилей тоже сложности. Баба заставит за какого-нибудь важного вдовца идти, та вспомнит про Миляева, возьмет да и отравится. За Тихонь надо бояться, а не за Милок.

У самой же Ксанны наступило время «ее новенького». У всех прочих, от Фрунзенской до Шаболовки, четыре времени года, а у Ксанны два. В зависимости от того, есть ли мальчик, который вот так смотрит на тебя, или нет его. С первым все ясно. А вот второе... Обычно внутри этого второго времени возникали мама, дача, оба седых ее дядьки. Выплывали, усаживались под яблонями за старый кривой стол. «Пойди, Галюсь, пройди, хотя б до станции!» И высказывала ночная обида. «У нее же нет никого, я точно знаю», — сказанное мамой на террасе. Сказанное не со зла, не-

чаянно. Они не виноваты, не виноваты. Ведь и в самом деле, никого нет.

Два времени против четырех, но к счастью или к сожалению, не разберешь.

А днем выходили и другие разговоры. Но позже, позже. После уроков.

Мыльников, стоя на крыльце, покривился и сказал приятелю своему, Герке:

— Да ладно, Ксанна твоя. Мозги пудрит, Антилопа.. Выдумала еще про Гитлера. Совсем уже...

Следом за ними вышли Сережа и Коля Лескин по прозвищу Бобер. И когда Мыльников взглянул на Сережу, тот ввязался, не тормознул. И Коле-Бобру это понравилось.

— Не понял ты, Мыльников, ни хрена... Она, Антилопа, суперпрепод. И знает, и размышляет, да еще тебя думать заставляет. А ты никак не въедешь.

Вот этого не стоило ему говорить. Мыльников мог и обидеться. Или нет?

— Че я, не знаю. Гитлер, лагеря там, вон скоко народу...

— А про наши лагеря не слыхал? Там побольше народа-то положили.

— Так то наши. Евреев специально не хватало, одни вредители сидели.

Тут уже все заулыбались.

— А про врачей-вредителей слышал? Нет? Знаешь, зачти как-нибудь «Архипелаг ГУЛАГ», там все популярно расписано, не пожалеешь.

Да слышал он про ГУЛАГ, слышал, прям тайна какая. Только отец вон как Солженицына с Сахаровым поливает. Они, мол, да сионисты проклятые виноваты, что Союз долбанулся. А то бы теперь... Хоть теперь, хоть потом, водки жрать меньше надо было, при чем тут Солженицын-то.

Милка взяла и расстроилась. Да так, что отменила на сегодня кожаного, которого звали Матвеем. Длинный и уверенный Матвей очень своего имени стеснялся. Еще вспомнилось ей, как хотела летом познакомить Матвея с матерью, так тот стал мяться. Потускнел Матвей, понес какую-то хрень. Милка еще подумала, а настоящий ли он или ей только показалось. В сердцах сказала верной Татьянке: «Пусть хоть совсем катитесь!» Та, впрочем, осталась при своем мнении.

А по улицам прохожие тащили елки. У метро приплясывал в длинном балахоне нищий с темным надутым лицом, ноги его разъезжались в снеговой каше. Перебегали сиреневые огоньки на фасадах. и над крохотным магазином для парикмахеров вспыхнула гирлянда. Розовая с оранжевым.

— Валенки еще у нас парни, правда?

Милка взглянула на палисадник у бывшего епархиального управления, на каменные столбики из

светлого кирпича. Конечно, валенки. И Сережа из валенков первый.

— А этот, новенький, на тебя пялится. Вот телок!

И Татьяна заглянула Милке в лицо, надеясь на ленивое одобрение.

— Но симпатичный.

Татьянка вздохнула. Вот тоже задача, длинной ее подруге нечего больше делать, взяла и въехала по уши в паренька в нескладном своем пиджаке. Если разобратся, все устроено неверно, надо как-то разделить. Красивых отдать умным, а верных... Куда же верных деть? Верных, но страшеньких и пухлых. Куда?

Увидев впереди высокую тетку, Татьяна ожилилась.

— Ну и каланча... Как Антилопа наша. Она еще чудная. Ты видела, как она на Серегу вылупилась? Страшная, как война, а выставляется. А этот, пенек, ни черта не чувствует. Ну, дура же она...

— Сама ты дура, — выскочило вдруг у Милки.

Татьянка опешила. И остановилась. Высокая тетка, про которую говорила Татьяна, прошла мимо. Тетка была в длинной норковой шубе, полы то и дело распахивались, открывая колени в блестящих колготках и бежевые сапоги. Тетка взглянула на них и улыбнулась, как будто знала что-то такое про кожного Матвея, про Милку и обиженную Татьянку, о чем они еще не подозревали.

Милка повернулась к Татьянке. Та смотрела сквозь Милку, скосив глаза, дышала на нее леденцами. Здоровенная выросла, а без карамели никуда. Нос круглый, кончик раздвоенный, щеки пухлые. Горе луковое!

— Ну ладно, Тань, ладно...

Как маленькая, честное слово. Губы распустила, сейчас разнюнится.

— Ты сама на прошлой неделе говорила!

— Мало ли что я говорила.

Они высмотрели просвет между машинами и потащились к метро, осторожно ступая в снеговой каше. Вывеска гастронома мигнула и погасла. Электрики копались в щитке на углу, прилаживая новую гирлянду. От Нескучного протянулась мгла, и фонари мигали.

Ночью Мишке Мильникову не спалось. На экране компа завис солидный усач, с лицом породистым и строгим. Звали усатого Пауль Гинденбург. В списке его наград оказались те же два Железных креста, как и у Гитлера.

Антилопа-то права оказалась. Если одно на другое нанизывать, и Капп, и Рем тут неспроста. Как бусины, один за другим. Вытащи оттуда Гитлера, совсем другая канитель завяжется. Только вот какая?

Улегся Мишка под утро. Во сне бежал он мимо горячих еще крематорских печей. Потом спасал ко-

го-то. И лупил пулемет с вышки зелеными трассерами. Только не разобрать было Мишке Мильникову, Майданек это или Степлаг.

А потом наступило такое утро, когда все кажется возможным. Заранее про это знала, наверное, та высокая женщина в шубе, что попала Милке с Татьянкой. Знала, но никому не сказала.

В актовом стояла елка. Милка вошла и удивилась. Вроде бы и взрослые совсем, а на елку смотрят, как первоклашки. Молчат и смотрят, выдумывают себе всякое.

Сережа перебирал гирлянды, прикидывая, как бы расплести их по веткам. Милка вынула из коробки большой серебристый шар, подняла его на ладони к свету из окна. Взглянула на заснеженную спортивную площадку, на одинокие воротца, на серенький старый дом, где жил Женька Басин, в которого она влюбилась в пятом классе. Влюбилась и мучилась полгода. Пока однажды осенью не оказалось, что этот самый Женька туповат и пахнет от него рыбой. Тогда Милка переключилась на Сашу, у предков которого голубая «чиатта». А потом...

— Пускай Сережка вешает, раз такой длинный... — Татьяна хихикнула и пихнула Милку локтем. Милка отвернулась.

— Сами развесим. Ему дали гирлянду, пускай возится. Сам по себе.

Сережа ей не нравится. Совершенно. Пускай и умный, и симпатичный, не пялится, как Мильников. А Татьяна совсем сбрендилла. Но как ей об этом скажешь, возьмет и разревется. После ноябрьских на этот счет заскок у нее. Как увидит кого посимпатичнее... Да ладно, пускай. Ей бы причесон какой устроить, юбочку подобрать. Подкрасит подругу на классный вечер, длинный этот, глядишь, и клонет. Только кому тогда лучше станет? Как Золушка, подъедет к принцу на вечер, а потом... Все и всегда выходит не так, не там. И не с тем.

— Надо бы шаров, шаров побольше...

Ксанна вошла румяная с мороза, оглядела зал, заметила Сережу и искоса взглянула на себя в зеркало. Потом щелкнула пальцами и направилась к нему. Татьяна снова пихнула Милку локтем. «Гля, Антилопа как накрутилась, гля...» Милка наморщила нос. Ей стало жаль историчку.

Ксанна подошла ближе, вдохнула густой еловый запах. Сережа подвинулся в уголок, привстал на ступеньку и оттянул провод.

В зал влез Мильников. Он потерял локоть и направился к коробке с гирляндами. Потом присел на кресло, вытянул ноги.

— Мыльников, неси стремянку, некогда расслаживаться! Слева за сценой посмотри, у фанерных листов. Давай, давай, не то до ночи провозитесь.

Мишка поднялся и медленно направился куда было сказано. Ксанна снова подняла руки и поправила прическу. Ей показалось, что они с Сережей оказались здесь, в зале с елкой, вдвоем. Что он там возится с проводами, глаз не поднимает. Наконец-то додумался, обернулся. Ресницы у него длинные. Такие не очень подходят мужчине. Иногда на скулах у Сережи появляется румянец, тогда он кажется младше.

Ксанна подтянулась ближе к елке и рассеянно тебила ветку. Мыльников ворочал стремянку, время от времени оглядывал Милку с Татьянкой, ожидая, что девчонки потянутся за чем-нибудь. Милка посмотрела на него, скривилась, потянула Татьянку за рукав. Та одернула подол.

Мыльников напоминал Милке бездомную собаку. Что его ребята боятся? На девчонку вылупится, рожа обтянется, прям чахнет. Обернется, тоска такая, будто за шиворот оттащали. Собачонка — и все тут. Так в руки и смотрит, дадут чего или погонят.

— Сережа, Сереж, — негромко позвала Ксанна, продвигаясь в угол, за елку.

Сережа уже расплел провода. Ксанна мельком взглянула на остальных ребят. Мыльников тащил стремянку, Милка с Татьянкой подбирали шары по оттенкам. Сережа опустил голову и отвернулся.

Вот сейчас она подойдет совсем близко, и тогда... Нет, ничего особенного. Они вместе окажутся в глухом углу, за елкой. Сережа не смотрит на нее. Стесняется. Это ничего, пройдет.

Ксанна подвинулась вперед и встала рядом с Сережей. Он стоял к ней вполборота, не поворачиваясь, хотя Ксанна видела, что он перестал тянуть провод. Как будто ждал, что дальше будет. А ничего не будет, она просто возьмет и... Просто...

Тут Сережа обернулся и посмотрел ей в глаза. Что-то не так? Ксанна потянулась к игрушке, отклоняясь к нему. Чтоб подхватил. Сережа рванул назад, задел крестовину.

Елка тряхнула ветвями. Большой шар, подвешенный Милкой, запрыгал на нитке, но не упал. С другой стороны осыпалось и звякало, шлепалось об пол так, что девчонки взвизгнули. Основание заскрипело. Мыльников бросил стремянку и прыгнул со сцены. Он успел ухватить ствол, поморщился от укулов хвои. Ксанна еле удержалась на ногах, Сережа бросил провода и ухватился за ветки.

— Не тяни, — глухо сказал ему с той стороны Мыльников, — а то совсем завалится. Счас я вниз подлезу, выправлю.

Ксанна все еще стояла у стены, смотрела на коробки, на девочек, оглядывала зал, будто не понимала,

где находится. Перед глазами у нее плыло Сережино лицо. Странно, как же это все вышло. Она-то, дура, размечталась, мальчишка обрадуется, прекрасная дама снизошла. А он окрысился, губой дернул. Взглянул на нее как на дуру, сморщился. Что она ему сделала? Сделала... сделала... Плакать, вот еще глупости!

Ксанна вымученно улыбнулась, сжала кулаки, неловко спрыгнула со ступеней. Дверь зала хлопнула. Мыльников, вылезая из-под елки, поглядел вслед Ксанне и повернулся к Милке. Зная примерно, что он сейчас выдаст, та отвернулась. Татьяна прыснула в кулак и покраснела.

— Держи крепче, я к Толянычу, за отверткой! — сказал Мыльников и выпрямился. Рот его разъехался до ушей.

— Ну, дела... Сгубила тетка паренька!

Сережа посмотрел на Мыльникова, будто прицеливался. Но тот вышел, не оглянувшись.

Ксанна забилась в закуток у физзала, встала у окна, забранного частой сеткой. За окном тянулась глухая стена, выкрашенная оранжевым. Ксанна долго там стояла, не плакала, нет. И Башни, как назло, оттуда видно не было. Только сетка, стена бугристая, тупик. А по стеклу трещина змеится.

Когда Ксанна вошла в учительскую, Ритуля едва взглянула, так все и поняла. Не первый раз. Под Новый год одно и то же, выгянет из своей новейшей истории, отколет что-нибудь, до майских всем разговорам хватит. Ритуля, конечно, к ней не полезла, пускай отдышится. Вот ведь нескладеха. Кого же ей подыскать-то? И молодая, и симпатичная, а все никак. Ведь если подойти практически, ей под пару такой же лось нужен. А где его взять? Длинных давным-давно разобрали. Вот и она, Ритуля, взяла себе, какие остались. И ничего, довольна. По большей части. Встречать, сводить, случать... Вроде бы и взрослые, а хуже детей.

Ритуля улыбнулась, округлила глаза.

— На Ленинском девки плащи видели. Сходим после третьего?

Ксанна кивнула. Она смотрелась уже ничего себе. А щеки чуть кремом мазнуть. И сойдет.

Русичка заболела, вот и свалили пораньше. Девчонки еще копались, ребята спустились уже во двор. Первым выкатился Сережа, за ним Мыльников. Он взглянул на Сережу искоса, оглядел пустой двор, спортплощадку и горку, потом сказал отдельно и громко, чтобы остальные слышали:

— Ну, как ты Антилопа-то зажала? Струхнул небось, завалит еще, а?

Коля-Бобер удивлялся потом, как быстро Сережа обернулся к Мыльникову и вполне грамотно навесил

ему справа. У того только зубы лягнули. Мыльников тут же бросил папку и сунул Сереже по ребрам. Хотел еще навернуть, но Коля-Бобер и Миляев сунулись между ними. Некоторое время пыхтели и толкались. Потом Мыльников отпрянул, густо сплюнул на снег красным.

— Во придурок... Че я сказал-то?

Сережа стоял, морщил щеку. Мыльников прилично ему наварил. Миляев смотрел на обоих скептически. Наконец шмыгнул носом, поправил шарф и спросил:

— Еще раунд или под банан?

Мыльников пожал плечами.

— Мне на Кузнецкий надо.

Надо так надо.

Уходя, Мыльников кивнул им, глядя мимо Сережи. Коля-Бобер покачался с носков на пятки.

— А в целом правильно. Не его это, не Мылово, дело...

Миляев промолчал. Он уставился на черные мусорные баки, будто ничего интереснее в жизни не видел. Сережа рылся в карманах, искал сигареты. Он все еще тяжело дышал. Тут выперлись наконец девчонки. Коля-Бобер двинулся к Милке нога за ногу, хотя и знал, что она не поедет.

Светлаша уперлась животом в столешницу, насупилась, крутила браслет на запястье.

Темнело. Башня опоясалась синеватыми огнями и напоминала теперь гигантскую елку. Под окнами проехал грузовик с нарисованной на борту зубастой веселой рыбиной. Светлаша подняла брови.

Надо же, не одно, так другое. Робик трепушка, конечно, но на этот раз и Фима, математичка, ей доложила. Разве в школе что-нибудь скроешь. Ну, длинная, ну, дурища. Как бы на это вывернуть? Так брякнешь в лоб, а она возьмет и сиганет из окна. Вон в шестисотой с ботаничкой была история. И записку приложила, довели, мол. Спасибо докторам, выгнали. А директрисе-то тамошней каково?

Дверь приоткрылась, в проем заглянула Ксанна. Глаза у нее были грустные. Вошла и уставилась в окно, будто кого на улице потеряла. Светлаша вздохнула.

— Я вот что хотела сказать... Вот что...

Ксанна сжала накрепко пальцы. По щекам ееплыли мелкие розовые пятна.

— Слушай, что там у тебя с Гитлером? — неожиданно для себя начала Светлаша.

Ксанна повела удивленно глазами, улыбнулась и спросила:

— С Гитлером?

— Ничего, между прочим, смешного. Головы у твоих сейчас свернутые, не знаешь, как поймут. Очень мне нужно, чтоб жаловались. Пропаганда в школе...

— Светлан Николавна, какая пропаганда?

Светлаша повернула голову. Чего она там высматривает. Вечер как вечер. А они в школе болтаются, будто домой не надо.

Башня заглядывала в Светлашин кабинет, интересовалась, наверное, не обижают ли ее подружку.

Светлаша пыхтела, ей тяжело выходило теперь с молодыми спорить. Нахватаются девки по верхам, нос задерут, не подходи. Она оглядела Ксанну, нахмурилась, начала снова:

— Не лезь ты в дебри! Как в методичке указано, так и делай. Вот же, вот... Где тут про Гитлера, покажи?

Светлаше всегда было все ясно. Как ей объяснить? И умная вроде тетка... Светлаша наморщила лоб, макнула палец в рот, принялась листать учебник.

Когда Ксанна была милостиво отпущена из директорского кабинета, окна цвели уже розовым и зеленым, смотря по тому, какой абажур. Можно различить, как перемещаются на кухнях силуэты. Там ужинали. А она, она... Ксанна посмотрела на Башню. Синие ее габаритки мигали на ветру. Башня, казалось, смотрела на нее с недоумением. Что она, Ксанна, такого сделала? Ну, сделала, конечно, сделала. Только и ее понять можно. Стоит один раз...

Мысленно пререкаясь с Башней, Ксанна брела по переулку. Ей встретилась старушка в длинном пальто, потом две девчонки. Они согласно «здраськнули» Ксанне, та задумчиво кивнула в ответ.

Башня права. Дура и ворона, кто спорит. Ей, Башне, виднее.

Ксанна перехватила сумку, зашагала дальше.

Сейчас мама привяжется, что так поздно, она ей и выдаст, ладно уж, приглашай, мол, тети-Римминого Юрочку в гости. То-то она удивится. Ну, не съест же ее этот Юрочка, правда ведь? Мама удивится, забудет про расспросы, вечер возьмет и закончится прекрасно, как давным-давно, когда жив был отец, мама была моложе, а она, Ксанна, собирала волосы в хвостик, стягивала его голубыми резинками и зимой носила синее платье и шубку, которую отец привез из Праги...

Только вряд ли вечер так кончится. Мама тонко разбирается, сейчас сообразит — и начнется. Позавчера она елку притащила, надо комель пилить, а дерево-то сырое. У ножовки зубья залипли. Мама нет чтоб помочь, понесла снова, нет, мол, в доме мужика. Ксанна бросила елку, засела у себя и до ночи пялилась в окно.

Каждую осень мама заводит песню про теплые колготки. Надо, мол, беречься... А куда ей теперь беречься. Ригуля плела тут, и в пятьдесят, мол, рожают. Ну, уж это куда?

Ксанна шмыгнула носом, полезла за платком, выронила перчатку. Так и шла, расстроенная, до самой «таблетки» Шаболовской, потом оглянулась на обручи, на огоньки высотной своей подружки, промокнула глаза и пошла дальше уже веселее. Она давно выучила: всякую неприятность надо переждать. Занять чем-нибудь мелким голову, пока случай отъедет в никуда, покроется пылью, позабудется. И непонятно, с тобой ли это все было или рассказал кто.

Вестибюль переливался на морозе, будто там и в самом деле предполагались чудеса на выбор. Ксанна вздохнула, поправила воротник, шелкнула сумочкой... Надо будет ребятам про Либкнехта и Радека запустить, вот они удивятся.

Длинную спину в черном пальто она зацепила взглядом еще в дверях. Как-то само собой получилось. Длинных мужских спин немного ей встречается. Вот сейчас они поедут вниз, под вечерними огнями туннеля, он обернется и окажется...

Недавно встретила одного. Высокий, худой, одет прилично. Присмотрелась, а у него лицо бледное, глаза бегают, морщится, пальцы сцепил. Видно, с похмелья, плохо ему.

Жаль, из метро Башни не видно, она бы что-нибудь присоветовала. А так приходилось самой сообщать.

Тут длинный этот, который в дверях встретился, в самом деле обернулся. Оказалось, он не бледный, нормальный. Глаза какие? Серые глаза, длинные. Крупный подбородок. Тоже хорошо. Нос... Нос непонятно какой. Тонкий, что ли. Брови срослись, это не годится. И смотрит...

Когда молчать стало неудобно, высокий сказал негромко:

— Извините...

Дальше выкатилась пауза. И пауза эта была в самую точку. Смутился симпатичный и длинный, замечательно так смутился.

— У вас такое лицо... Случилось что-нибудь?

Ну, и что ей ответить, что? Надо придумать, срочно что-нибудь придумать. Но никак не получа-

лось. Ксанна отвела глаза и кивнула. В носу у нее защипало. Где же платок? Вот будет номер. Едет учительница истории, Галина Ксанна, классный, между прочим, руководитель, по эскалатору и ревет в три ручья.

Толстушка-дежурная проводила их взглядом. Вот так пара, длинные какие. Идут себе спокойно рядышком, как приличные. Интересно, женаты или так гуляют?

Зашипело. Двери вздрогнули, двинулись навстречу друг другу. Вагон качнулся, вместе с ним качнулись высокая Ксанна и внимательный мужчина. Она снова взглянула на него.

Ты будешь спрашивать или нет, человек с серыми глазами, что именно у меня случилось? Как мне живется? Почему я еду так поздно? Где работаю? Давай, давай, спрашивай, а я тебе расскажу. Про Милку, Светлашу, Тамочку, Рамилю, про Разову и Мыльникова.

Дежурная стояла на перроне, смотрела вслед поезду. Наконец он втянулся в туннель. Долго был виден назойливый огонек. Но вот он мигнул и пропал. В репродукторах звякнуло, на соседний путь прибывал встречный. Дежурная вздохнула.

Когда Феликс на нее так-то смотрел, уже и не вспомнишь. Теперь он все по пиву. Усядется, глаза выпучит, пошел плести...

Тут мысли ее переехали на осетрину к празднику, которую предлагала Алька. Потом на мамино лекарство и про то, что хорошо бы после десятого съездить на участок, посмотреть, не лазил ли кто.

На перроне появился мужичок с елкой. Низенький, румяный, в бежевой дубленке. Когда проходил мимо, на дежурную пахнуло хвоей, запросто перебив мазутные метрошные ароматы. Дежурная улыбнулась, поправила шапочку и пошла к эскалатору, потряхивая на ходу жезлом. На одной его стороне отпечатан был красный круг, на другой зеленый. В смысле, стой или проезжай. Сейчас оказался вверху зеленый.